The Best of Sci-Fi Classics

Roger Zelazny

Lord of Light

Князь Света

Роджер Желязны

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ж52

Roger Zelazny

LORD OF LIGHT

Copyright © 1967 by Roger Zelazny

Публикуется с разрешения наследников автора
и их литературных агентов,
Zeno Agency Limited (Великобритания)
при участии Агентства Александра Корженевского
(Россия)

Желязны, Роджер.

Ж52 Князь Света / Роджер Желязны ; [пер. с англ. В. Е. Лапицкого]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (The Best of Sci-Fi Classics).

ISBN 978-5-699-87274-9

Это случилось после гибели Земли. На одной из дальних планет-колоний у власти оказалась группа людей, которые, используя достижения науки, достигли бессмертия и стали править своим миром как Боги индуистского пантеона. Но при этом остались людьми — в прямом смысле этого слова, сохранив человеческие чувства и желания, несмотря на приобретенные ими неограниченные возможности. И неизвестно, стало ли им от этого лучше...

«Князь Света» — любимое произведение самого Роджера Желязны — был удостоен авторитетной премии «Хьюго» и назван одним из величайших романов XX века.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Лапицкий В., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87274-9

НЕЭВКЛИДОВА ФАНТАСТИКА

«...Когда я начал публиковаться в начале 60-х годов, с классической фантастикой было уже почти покончено. Тот Марс и та Венера, которыми грезили Э. Р. Бэрроуз и его последователи, были фактически уничтожены космическими программами. Я понял, что, если хочу писать в этом стиле, если я желаю отдать дань Вейнбауму, Каттнеру и их бесчисленным коллегам, то вынужден спешить, и еще — я должен делать это лучше, чем мои предшественники. Я знал, что мне отпущено лишь по кусочку от каждого из этих миров, а потом героям моих книг придется перебираться за пределы Солнечной системы... — рассказывал о себе великий американский писатель Роджер Желязны. — Я пишу и фэнтези, и НФ, а также некую смесь их обоих. С каждой новой книгой мои намерения меняются; тем не менее, я всякий аз начинаю с создания образов, а уж затем перехожу к сюжету».

Родился Роджер Желязны (Roger Joseph Zelazny) 13 мая 1937 года в небольшом городке Юклид (Euclid), расположенном недалеко от крупного промышленного центра США — Кливленда (штат Огайо), в интернациональной семье поляка Йозефа Желязны и ирландки Жозефины Суит Желязны. Название родного города будущего писателя произошло от имени знаменитого древнегреческого математика Эвклида. Есть в этом нечто символичное, ведь вклад Желязны в развитие фантастики вполне сравним со вкладом Эвклида в раз-

витие математики. Хотя сама фантастика Желязны — скорее аналог «неэвклидовой геометрии», столь сильно этот писатель перевернул традиционные представления о жанре.

«Мое первое самостоятельное чтение в школе включало мифологию — в громадных объемах. Так было до тех пор, пока я не открыл для себя народные сказки, волшебные истории, фантастические путешествия. Это продолжалось довольно долго — до одиннадцати лет, — пока я не прочитал первое научно-фантастическое произведение», — вспоминал Желязны о своем детстве.

В 1955 году Роджер поступает на отделение психологии Кливлендского Западного университета. Вскоре страсть к литературе берет свое, и он переводится на отделение английской словесности. Став бакалавром, перебирается в Колумбийский университет (штат Нью-Йорк), однако вскоре возвращается в Кливленд и защищает диссертацию по английской драме елизаветинских времен. Параллельно с учебой занимается шахматами, дзюдо, восточными единоборствами, пишет стихи, изучает хинди и японский, не чуждается медитаций и мистики...

Самым знаковым моментом в жизни Желязны стал 1962 год. Во время практики после защиты диссертации Роджер принял решение реализовать давнюю мечту о литературной деятельности. В течение недели он перечитал всю фантастику, до которой «смог дотянуться», после чего в первых числах марта «сел и занялся делом». Написав с десяток рассказов, он разослал их по разным журналам, и, к его удивлению, один из текстов приняли. Это был рассказ «Игра страстей». Журнал «Amazing Stories» напечатал его очень оперативно, уже в августовском номере. Несколько рассказов вернули, Желязны их доработал и снова отправил, в тот же «Amazing Stories» и еще в «Fantastic Stories». Рассказы взяли и попросили еще. В результате в течение 1962 года Роджер Желязны продал пятнадцать (!) рассказов. Так начался невероятный взлет молодого авто-

ра. За первые семь лет своего писательского труда Желязны получил две премии «Хьюго» и две «Небьюлы», являющиеся самыми престижными наградами в мировой фантастике.

Именно Роджер Желязны и его поколение взломали застывший в бесчисленных романах «про ракету» жанр научной фантастики. Желязны показал, что слово «научная» в термине не обязательно должно касаться техники и естественных наук. Ведь мифология — тоже наука, и на основе религий, мифов можно создавать блестящую НФ. Кризис в фантастике 1950-х годов породил плеяду прекрасных авторов, позже названную «Новой волной». Сэмюэль Дилэни, Харлан Эллисон, Брайан Олдисс, Майкл Муркок и, конечно же, Роджер Желязны — все они, каждый по-своему, пытались взорвать систему, изменить жанр, не изменяя жанру, перенести внимание с роботов и космических кораблей на человека и его внутренний мир.

При этом «Желязны явился в мир научной фантастики абсолютно сформировавшимся писателем, своего рода морским богом, несущимся на какой-то раковине, как заправский серфингист». Он никогда не избегал больших тем, сталкивая миры фэнтези и научной фантастики, создавал из больших идей чудесное развлечение, писал красиво, мощно, блестяще, наполняя свои миры страстью. «В Роджере было замечательное сочетание гения интуиции, фантастического мечтателя и острожного, скрупулезного создателя сюжетов. Он был одним из великих», — говорил о своем соавторе Роберт Шекли.

Желязны обладал бесстрашным, не имеющим границ воображением, и благодарность читательской аудитории тоже не знала границ. Его произведения собрали огромное количество премий, среди которых шесть «Хьюго» и три «Небьюлы». Его книги выходили огромными тиражами по всему миру. День смерти Роджера Желязны, 14 июня 1995 года, стал настоящим шоком для мировой фантастики. В память о писателе были изданы мемориальные сборники, друзья фанта-

сты дописали незаконченные романы. На официальном сайте скорбящие поклонники разместили счетчик, отсчитывающий дни с момента ухода кумира. Чтобы помнили.

А вот в СССР о Желязны мало что знали. Первая значительная публикация на русском языке произошла лишь в 1985 году, когда в сборнике «Лалангамена» вышел двадцатилетней давности рассказ «Ключи к декабрю». Однако к тому времени уже начинала расцветать фантастика в самиздате. В любительских переводах тексты Роджера Желязны расходились на черном рынке как горячие пирожки. Особенной популярностью пользовался «Амберский цикл». Столь необычной фантастики советские читатели, не избалованные жанром фэнтези, еще не встречали. Естественно, когда грянули перемены и стало можно издавать всё, книги Роджера Желязны, о которых среди книголюбов ходило множество слухов, начали выходить постоянно и повсеместно. А «Амберские хроники» пережили в России десятки переизданий (в нескольких переводах) общим тиражом в несколько миллионов экземпляров.

Но не «Хроники Амбера» и не более поздние тексты представляются наиболее значительными в творчестве Желязны. В восторг приводят книги, написанные в самом начале его творчества. Сам Желязны называл их своими любимыми произведениями.

В 1965 году мозг американскому фэндому взрывает повесть «...И зовите меня Конрад», чуть позже расписанная в роман «Этот бессмертный». В 1967 году выходит «Князь Света», в 1969 — «Создания света, создания тьмы». Все эти книги объединяет одно — обращение к мифам различных народов. «Создания света...» посвящены Египту. «Этот бессмертный» — мифологии Греции. Наконец в романе «Князь света» перед читателем предстают боги индуистского пантеона.

Казалось бы, перед нами типичная фэнтези философско-религиозной направленности. Отнюдь. Сквозь мифологическую личину проглядывает самая настоящая НФ, и при том с социальным оттенком.

Далекое будущее. Человечество покинуло Землю и колонизировало другую планету. Последние оставшиеся в живых люди становятся в своем новом доме Первыми. Первые загнали аборигенов — предварительно обозвав их демонами — в недра планеты, тем самым освободив ее для своих потомков. Среди колонизаторов выделились самые умные и деловые, которые нарекли себя Богами и стали править смертными с Неба, основав религию подобную индуизму. Возвысившись, Первые люди заигрались в богов и стали требовать поклонения обычных людей, подавляя любое развитие науки и техники. А поскольку новоявленные Боги узурпировали высокие технологии и с их помощью стали практически бессмертными, перемещая свой разум во все новые и новые тела, остальные вынуждены были подчиниться.

Но не все Боги были согласны с подобным положением вещей, появился мятежник — «воплощение Будды, которого люди называют Майтрейя — Бог Света, то ли потому, что он управлял молниями, то ли потому, что он воздерживался от этого. Другие называли его Махасаматман и говорили, что он был богом. Он, однако, предпочел отбросить «Маха» и «Атман» и называл себя Сэмом. Он никогда не уверял, что он бог, но никогда и не отрицал этого».

Боги пытались убедить Сэма в его неправоте: «Но они все еще дети, и как дети они будут играть с нашими дарами и будут сожжены ими». Но Сэм выразил сомнения в истинных намерениях богов. Он стал задавать вопросы. Движут ли ими интересы общества или они прямо противоположны и даже враждебны им? Действительно ли богам нужны свободные люди или же только послушные рабы? Где проходит невидимая черта между отеческой опекой и злоупотреблением властью? Тогда Боги предприняли попытки помешать Сэму, даже пытались уничтожить его, но не смогли. Сэм продолжал бороться и не оставлял попыток дать людям новые знания, олицетворяя собой вечное противостояние между прогрессом и застоем.

Но верно ли поступал главный герой романа, вмешиваясь в сложившийся порядок вещей и, подобно Прометею, неся людям научный и технический прогресс? Очень похожий вопрос на противоположной стороне земного шара приблизительно в то же время задали своему читателю советские писатели Аркадий и Борис Стругацкие. В 1964 году на свет появился их роман «Трудно быть богом» (даже названия перекликаются!). Герой этого романа земной разведчик Антон, под именем дона Руматы Эсторского находящийся на застывшей в средневековье планете, обладает поистине божественными возможностями по сравнению с местными жителями. «Как историк, он знает, что добрые, честные люди на этой планете обречены на страдание. Как представитель могущественной Земли, он может спасти немногих, но не может спасти всех. Как человек, он не может с этим смириться». Как не может смириться Князь Света с тем, что происходит на его планете. Роджер Желязны и братья Стругацкие, не будучи знакомыми, написали очень близко звучащие романы. Великий талант позволил им, даже находясь в различных социальных системах, сформулировать схожие, волнующие все человечество проблемы.

В следующем году Роджеру Желязны исполнилось бы 80 лет. И если бы возникла такая возможность, на юбилейной пресс-конференции автора «Князя Света» очень хотелось бы спросить, имеет ли право кто-либо назначить себя богом по отношению ко всему остальному человечеству? И к чему подобное назначение может привести?

Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын

Глава 1

Так было однажды услышано мной. Спустя пятьдесят три года после освобождения вернулся он из Золотого Облака, чтобы еще раз поднять перчатку, брошенную Небесами, пойти наперекор Порядку жизни и богам, этот Порядок установившим. Последователи его молились, чтобы он вернулся, хотя и грехом были молитвы эти. Мольбам не потревожить покоя ушедшего в нирвану, при каких бы обстоятельствах это ни произошло. Но молились облаченные в шафрановые рясы, чтобы он, Меченосец, Манжушри, вновь сошел к ним. И, как поведано, Бодхисатва услышал их...

> Он, подавивший желания, не зависящий от корней, пастбищем которому пустота — необусловленная и свободная, — путь его неисповедим, как птиц полет в поднебесье.
>
> *Дхаммапада (93)*

Его последователи звали его Махасаматман и утверждали, что он бог. Он, однако, предпочитал опускать громкие Маха и атман и звал себя просто — Сэм. Никогда не провозглашал он себя богом. С другой стороны, и не отказывался от этого. В сло-

жившихся условиях ни то, ни другое не сулило ему никакой выгоды. Чего не скажешь о молчании...

И вот тайна служила ему покровом.

Был сезон дождей...

Самый влажный период года...

Дождь шел дни напролет, когда вознеслись к небу молитвы — и вознесли их не пальцы, перебирающие заузленные гирлянды молельных четок, не вращающиеся молитвенные колеса, нет, грандиозная молитвенная машина из монастыря Ратри, богини Ночи.

Направлены были высокочастотные молитвы прямо вверх, сквозь атмосферу, еще выше, в самый центр Золотого Облака, что зовется Мостом Богов и окружает весь мир, предстает каждую ночь бронзовой радугой и каждый полдень окрашивает красное солнце в оранжевые тона.

Кое-кто из монахов сомневался, не ересью ли будет использование подобной молитвенной техники, но машину построил и наладил сам Яма-Дхарма, отпавший от Небесного Града; а как говорили, именно он построил в незапамятные времена могучую громовую колесницу Великого Шивы — тот экипаж, что проносится по небосклону, изрыгая на своем пути огненную харкотину.

Даже находясь в немилости, считался он величайшим мастером и знатоком всех ремесел. Узнай боги Небесного Града о его молитвенной машине — они без сомнения обрекли бы его на подлинную смерть. Надо, правда, признать, что и без этой машины обрекли бы они его на подлинную смерть, попади он к ним в руки. Каким образом улаживал он свои дела с Властителями Кармы, касалось толь-

ко его, хотя никто не сомневался — так ли, иначе ли, но, когда придет его час, отыщет он тот или иной способ.

Лишь вдвое моложе был он самого Небесного Града, а ведь едва ли набрался бы десяток богов, помнивших основание этой обители. Все знали, что мудрее даже, чем Бог Кубера, оказывался он, когда дело касалось путей Всеприсущего Пламени. Но это были лишь меньшие из его Атрибутов. Другим он славился, хотя и говорили об этом немногие. Высокий, в меру широкоплечий, но не грузный, двигался он легко и плавно. Носил красное, был немногословен.

Он и управлял молитвенной машиной; водруженный им на крышу монастыря гигантский металлический лотос неспешно вращался в своем гнезде.

На здание, на лотос, на джунгли у подножия горной цепи сплошной пеленой падал мелкий дождь. Уже шесть дней, как десятками киловатт возносил Яма молитвы, но состояние атмосферы не позволяло им быть услышанными в Горних. Сквозь зубы он помянул самых что ни на есть банальных божеств плодородия, взывая в основном к их наиболее прославленным в народе Атрибутам.

Раскат грома был ответом, и помогавшая ему обезьяна хихикнула.

— У твоих молитв и твоих проклятий итог один и тот же, о Яма, — прокомментировала она. — То есть никакого.

— Чтобы это заметить, тебе потребовалось семнадцать перерождений? — сказал Яма. — Тогда понятно, почему ты все еще маешься обезьяной.

— Да нет, — сказала обезьяна, которую звали Так. — Хотя мое падение было и не столь впечатляюще, как твое, но все-таки и я вызвал вполне персонально окрашенную злобу у...

— Замолчи! — бросил Яма, отворачиваясь от него.

Так понял, что дотронулся до больного места. Пытаясь найти для разговора другую тему, он подобрался к окну, вспрыгнул на подоконник и уставился наружу.

— К западу отсюда в облаках просвет, — сообщил он.

Подошел Яма, посмотрел, куда показывала обезьяна, нахмурился и кивнул.

— Ага, — сказал он. — Оставайся тут и корректируй.

Он подошел к пульту управления. Наверху, над их головами, лотос поспешно развернулся и уставился прямо в брешь, замеченную Таком среди плотных облаков.

— Отлично, — буркнул Яма, — что-то подцепили.

Он протянул руку к одной из контрольных панелей, пощелкал кнопками и клавишами, подстроил верньеры.

Под ними, в монастырских подвалах, выдолбленных в толще скалы, зазвенел звонок, и тут же закипели приготовления, авральная команда заняла свои места.

— Облака смыкаются! — воскликнул Так.

— Это уже неважно, — ответил Яма. — Нашу рыбку мы подцепили. Из нирваны да в лотос, он грядет.

Опять громыхнул гром, и дождь с шумом обрушился на лотос. Голубые молнии, словно змеи, извивались над вершинами гор.

Яма выключил главный рубильник.

— Как ты думаешь, каково ему будет опять облечься во плоть? — спросил Так.

— Чисти-ка свой банан в четыре ноги!

Так предпочел счесть это за разрешение покинуть комнату и оставил Яму выключать аппаратуру в одиночестве. Путь его лежал вдоль по коридору и вниз по широким ступеням. На лестничной площадке до него донеслись звуки голосов и шарканье сандалий, шум приближался со стороны боковой залы.

Не раздумывая, он вскарабкался по стене, цепляясь за вырезанные на ней фигурки пантер и слонов. Взобравшись на балку, он нырнул в густую тень и замер там.

Появились двое монахов, облаченных в темные рясы.

— Она что, не могла очистить им небо? — сказал первый.

Второй, постарше, более массивный, пожал плечами:

— Я не мудрец, чтобы отвечать на подобные вопросы. Ясно, что она озабочена, иначе бы никогда не предоставила им это святилище, а Яме — подобную возможность. Но кому ведомы пределы ночи?

— Или настроение женщины, — подхватил первый. — Я слышал, что даже жрецы не знали о ее появлении.

— Вполне возможно. Как бы там ни было, это кажется хорошим знаком.

— Воистину.